

Научная статья | Original paper

Переживание психотравмирующих событий прошлого в период ранней взрослости

Н.Е. Харламенкова ✉, Д.А. Никитина, Н.Е. Шаталова, Ю.В. Быховец
Институт психологии РАН, Москва, Российская Федерация
✉ nataly.kharlamenkova@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Изучение последствий переживания стрессоров высокой интенсивности людьми раннего взрослого возраста (17–32 года) представляет научный интерес в связи с тем, что, во-первых, позволяет обратиться к проблеме психотравмирующего опыта в детском и юношеском периоде развития, а во-вторых, дает возможность выявить специфику переживания угрожающих жизни событий с учетом возрастного аспекта, учитывая поликонтекстуальность жизни человека в современном мире. **Цель** исследования — определить перечень актуальных травматических стрессоров и показать различия в их переживании (по показателям посттравматического стресса) у молодых людей в период ранней взрослости. **Гипотеза** исследования состоит в том, что актуальный перечень травматических стрессоров будет включать в себя: утрату близкого, физическое и психологическое насилие, угрожающее жизни заболевание, а также — проживание на территории ведения военных действий и вирусную угрозу; ожидается, что в группу наиболее психотравмирующих воздействий войдут события, связанные с военными действиями. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 309 человек в возрасте от 17 до 32 лет ($M = 19,8$, $SD = 3,2$) из разных городов РФ (Донецк, Казань, Луганск, Чита, Москва и др.). Использовались следующие методики: PCL-5, SCL-90-R. **Результаты** показали, что в период ранней взрослости весь диапазон психотравмирующих событий может быть разделен по интенсивности их переживания на три кластера. В первый кластер событий, которые вызывают невысокий уровень эмоционального ответа, вошли природные и техногенные катастрофы, заболевание близких и военные действия. Второй кластер объединил собственные заболевания, сексуализированное насилие и домогательства, физическое и психологическое насилие, смерть близкого, повседневные стрессоры. Наиболее острые психопатологические симптомы связаны с событиями третьего кластера: конфликты и кризисы в отношениях, психические расстройства и суицидальные мысли. **Выводы.** Показано, что в период ранней взрослости восприятие и оценка психотравмирующих событий настоящего и прошлого проявляются широким спектром психопатологической симптоматики, что связано с типом угрожающих жизни ситуаций.

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Шаталова Н.Е.,
Быховец Ю.В. (2025).

Переживание психотравмирующих событий
прошлого в период ранней взрослости.

Клиническая и специальная психология, 14(4), 39—55.

Kharlamenkova N.E., Nikitina D.A., Shatalova N.E.,
Bykhovets Yu.V. (2025).

Experience of traumatic events of the past
during early adulthood.

Clinical Psychology and Special Education, 14(4), 39—55.

Ключевые слова: психотравмирующие события, посттравматический стресс, психопатологическая симптоматика, PCL-5, SCL-90-R, ранняя взрослость, возраст

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00366, <https://rscf.ru/project/25-18-00366/>

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования А.Н. Зелянину (Архангельск), М.Г. Юсупова (Казань), О.А. Ворону (Чита), И.В. Киселеву (Донецк).

Для цитирования: Харламенкова, Н.Е., Никитина, Д.А., Шаталова, Н.Е., Быховец, Ю.В. (2025). Переживание психотравмирующих событий прошлого в период ранней взрослости. *Клиническая и специальная психология*, 14(4), 39—55. <https://doi.org/10.17759/cpse.2025140403>

Experiencing traumatic events from the past during early adulthood

N.E. Kharlamenkova ✉, D.A. Nikitina, N.E. Shatalova, Yu.V. Bykhovets

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ nataly.kharlamenkova@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The study of the consequences of experiencing high-intensity stressors in young adults (17–32 years old) is of scientific interest due to the fact that, firstly, it allows us to address the problem of perception and assessment of traumatic experiences in childhood and adolescence, and, secondly, it makes it possible to identify the features of experiencing life-threatening events in the age period, taking into account the polycontextuality of human life in the modern world. **Objective.** The aim of the study is to identify a list of current traumatic stressors and show differences in their experience (in terms of post-traumatic stress) in young people during early adulthood. The **hypothesis** of the study is that the current list of traumatic stressors will include: loss of a loved one, physical and psychological violence, life-threatening illness, as well as living in a military area and a viral threat; it is expected that the group of the most traumatic effects will include events related to military operations. **Methods and materials.** The study involved 309 people aged 17 to 32 years ($M = 19.8$, $SD = 3.2$) from different regions of the Russian Federation (Donetsk, Kazan, Lugansk, Chita, Moscow, etc.). The following methods were used: PCL-5, SCL-90-R. The **results** showed that during early adulthood, the entire range of traumatic events can be divided into three clusters according to the intensity of their experience. The first cluster of events that cause a low level of emotional response includes natural and man-made disasters, illness of loved ones, and military operations. The second cluster combined their own illnesses, sexualized violence and harassment, physical and psychological violence, death of a loved one, and everyday stressors. The most acute psychopathological symptoms are associated with events of the third cluster: conflicts and crises in relationships, mental disorders and suicidal thoughts. **Conclusions.** It is shown that during early adulthood, the perception and assessment of traumatic events of the present and the past is manifested by a wide range of

psychopathological symptoms, which is associated with the type of life-threatening situations.

Keywords: traumatic events, post-traumatic stress, psychopathological symptoms, PCL-5, SCL-90-R, early adulthood, age

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00366, <https://rscf.ru/project/25-18-00366/>

Acknowledgements. The authors would like to thank A.N. Zelyanina (Arkhangelsk), M.G. Yusupov (Kazan), O.A. Vorona (Chita), and I.V. Kiseleva (Donetsk) for their assistance in collecting data for this study.

For citation: Kharlamenkova, N.E., Nikitina, D.A., Shatalova, N.E., Bykhovets, Yu.V. (2025). Experience of traumatic events of the past during early adulthood. *Clinical Psychology and Special Education*, 14(4), 39—55. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2025140403>

Введение

Переживание стресса, вызванного травматическими событиями, в его динамике, в отсроченном времени, т.е. в последующие после воздействия стрессора периоды жизни, и его системный анализ имеют значение для экспликации новых закономерностей проявления признаков нередуцированной психической травмы в зависимости от истории ее возникновения и траекторий течения посттравматического стресса (Blaxton, Nelson, Bergeman, 2021; Lee, Lee, 2025). В настоящее время в ходе анализа различных психических феноменов во внимание принимаются особенности возрастного контекста и возрастной когорты (Баязитова и др., 2020; Орестова, Ткаченко, Соколова, 2020). Такая же тенденция прослеживается в работе, посвященной изучению последствий психической травматизации (Никитина, 2021).

В статье «Посттравматический стресс и картина травматических событий в разные периоды взрослости», опубликованной около 10 лет назад, рассматривалась «проблема дифференциации влияния различных травматических событий на человека по интенсивности посттравматического стресса (ПТС) в разные периоды взрослости» (Тарабрина и др., 2016, с. 94). В исследовании приняли участие респонденты в возрасте 31–83 лет ($n = 187$ чел.). Результаты исследования показали, что вне зависимости от фактора возраста высокий уровень ПТС наблюдается вследствие влияния таких психотравмирующих стрессоров, как наличие в анамнезе угрожающего жизни заболевания и/или смерти близкого человека. Показано, что в период средней взрослости (31–50 лет) наиболее выраженный негативный эффект оказывают события, связанные с пережитыми ранее оскорблением, эмоциональным насилием и унижением. В период поздней взрослости (61–70 лет и 71–83 года) высокий уровень психотравматизации возникает при наличии в опыте потерь близких людей (супруга/супруги, ребенка) (там же, с. 105).

Безусловный интерес представляют исследования, посвященные отсроченному переживанию влияния стрессоров высокой интенсивности на выборку молодых людей в возрасте 20–35 лет. Особенности этого периода жизни связаны с тем, что признаки посттравматического стресса проявляются как реакция на травматические события детства и подросткового возраста, юности и периода «становящейся взрослости» (Нартова-Бочавер, Ерофеева, 2021; Ерофеева, 2023). Феноменология посттравматического стресса на этом этапе жизни во многом

схожа с особенностями психической травматизации, типичной для среднего и пожилого возраста. Однако ее своеобразие обнаруживается в нестабильности и ограничениях ресурсов совладания с трудными и экстремальными жизненными событиями, в многозадачности взросления на стадии ранней взрослости, которая не всегда сопровождается «позитивными ожиданиями в отношении будущего» (Золотарева, Мальцева, Сарапульцева, 2025; Lee et al., 2023).

Следствием эмоциональной включенности молодого человека в романтические, семейные, профессиональные и другие отношения могут быть как положительные, так и отрицательные эффекты межличностного взаимодействия. Следует согласиться с тем, что достоянием социального капитала становится самый разнообразный коммуникативный опыт, который способствует или препятствует развитию и адаптации личности, совладанию с повседневными и экстремальными трудностями (Rafiey et al., 2022). Понятно, что интенсивное и активное общение при недостаточно развитой способности селективировать длительность и продуктивность контакта, регулировать и блокировать отношения, трансформирующиеся в форму созависимости, деструктивной привязанности, непроизвольно снимает запрет на нарушение границ психологического пространства личности (Нартова-Бочавер, Ерофеева, 2021). В этих условиях функционирования существенно возрастает вероятность появления угроз эмоционального и физического насилия, манипуляции, пренебрежения, игнорирования и др. способов психологического воздействия, направленного на построение отношений неравенства, особенно при наличии в анамнезе разных видов насилия (VanMeter et al., 2021; Bucich, Steel, Berle, 2024).

Результаты одного из исследований, проведенного с участием респондентов от 17 до 35 лет ($N = 509$ чел., 232 мужчины и 277 женщин), показали, что «наиболее тяжелый по интенсивности посттравматический стресс вызывают ситуации, которые несут угрозу одновременно физическому и психологическому благополучию человека (насилие и опасное для жизни заболевание)» (Харламенкова, Никитина, 2020, с. 110). Сравнение показателей посттравматического стресса при воздействии разных, наиболее частотных событий — утраты близкого человека, эмоционального и физического насилия, дорожно-транспортного происшествия (ДТП), угрожающего жизни заболевания — выявило наибольшую уязвимость молодых людей при переживании насилия. Важно при этом отметить, что ряд признаков посттравматического стресса, сопряженных с утратой близкого человека, как одного из наиболее тяжелых жизненных переживаний, особенно в периоды детства, молодости и ранней взрослости, не превысила значений психического дистресса при физическом и психологическом насилии: «психологические последствия потери близкого человека по критериям D (ухудшение когнитивного функционирования и настроения) и E (физиологическая возбудимость) оказались менее выраженными по сравнению с переживанием насилия ($U = 2115$, $p = 0,03$; $U = 2094$, $p = 0,02$ соответственно)» (там же, с. 113). В качестве диагностического инструмента использовалась методика Posttraumatic Stress Disorder Checklist (PCL-5) (в русскоязычной адаптации Н.В. Тарабриной с коллегами, 2007).

Возрастные различия в совладании человека с тяжелыми жизненными обстоятельствами могут быть объяснены особенностями социального контекста и спецификой возрастных задач, гетерохронностью травматического опыта и способов редукции дистресса в периоды ранней, средней и поздней взрослости. Сомнительно, однако, что возрастные различия в интенсивности посттравматического стресса от разных экстремальных событий могут быть объяснены только опытом взросления. Несомненно, что процессы, происходящие на уровне отдельных

государств и межгосударственных отношений (войны и заключение мирных соглашений, конфликты и их урегулирование и др.), нарушение климатического равновесия (природные и техногенные катастрофы), угрозы здоровью и жизни людей, связанные с беспрецедентным по своему масштабу распространением вирусной и иных видов инфекций (Быховец, 2021; Тарабрина и др., 2017; Holman, Grisham, 2020), вносят существенный вклад в понимание различий между возрастными группами, обусловленных целой системой факторов и поэтому объясняемых не только разницей в возрасте, но и особенностями сформировавшейся когорты. Для понимания природы этих различий важно составить перечень актуальных травматических стрессоров и определить различия в их переживании (по показателям посттравматического стресса) у молодых людей в возрасте 17–32 лет, что и является целью настоящего исследования.

В качестве гипотезы исследования выдвинуто следующее предположение: актуальный перечень травматических стрессоров включает в себя такие события, как утрата близкого, физическое и психологическое насилие, угрожающее жизни заболевание, а также — проживание на территории ведения военных действий и вирусная угроза; ожидается, что в группу наиболее психотравмирующих воздействий войдут события, связанные с военными действиями, т.е. с непосредственной угрозой здоровью и жизни близких людей.

Материалы и методы

В исследовании использовался опросник оценки выраженности посттравматического стрессового расстройства (Posttraumatic Stress Disorder Checklist, PCL-5) в русскоязычной адаптации (Тарабрина и др., 2017). Методика позволяет исследовать интенсивность воздействия стрессовых событий и их психологические последствия — симптоматику ПТСР: навязчивое повторение (кластер В), избегание (кластер С), негативные изменения в когнитивно-эмоциональной сфере (кластер D), возбудимость (кластер Е), общий индекс психотравматизации.

Для проверки гипотезы все события объединялись в группы. Первоначальная группировка событий и выделение более крупных категорий были осуществлены с помощью технологий искусственного интеллекта (нейросеть Deepseek). Корректировка полученных результатов осуществлялась группой экспертов. В качестве эталона использовался список стрессовых ситуаций, содержащийся в опроснике Life Events Checklist (LEC-5) for DSM-5.

Также в работе применялся опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-r-Revised, SCL-90-R) в русскоязычной адаптации (Тарабрина и др., 2007). Эта методика направлена на диагностику психопатологических симптомов: соматизации, obsessivnosti-компульсивности, депрессии, межличностной сензитивности, тревожности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльных тенденций, психотизма. Данный инструмент применялся с целью анализа специфики психопатологического статуса респондентов. Дополнительно вычислялись индексы второго порядка: общий индекс тяжести симптомов, индекс наличного симптоматического дистресса, общее количество симптомов (число утвердительных ответов).

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы Statistica 10 и включала в себя: расчет описательной статистики: частотный анализ данных, вычисление медиан (Me); анализ групповых различий с применением U-критерия Манна–Уитни (уровень значимости $p < 0,05$), кластерный анализ (метод К-средних).

Выборка состояла из 309 человек в возрасте от 17 до 32 лет ($M = 19,8$), из них 189 девушек (17–26 лет, $M = 19,8$) и 120 молодых людей (17–32 лет, $M = 19,7$). География городов: Донецк (73 чел.), Казань (80 чел.), Луганск (34 чел.), Чита (94 чел.), Москва (12 чел.) и др.

Две трети респондентов имеют высшее образование, одна треть выборки — среднее и среднее специальное образование, 4 человека — научную степень. Большинство респондентов проживает вместе с семьей (154 чел.), остальные — отдельно от семьи (97 чел.), 58 человек живут в общежитии. Из всей обследуемой выборки только 26 человек состоят в браке, 4 — в разводе.

Результаты

Все количество психотравмирующих событий, указанных участниками исследования ($n = 211$), было сгруппировано в 10 категорий: утрата близкого ($n = 53$), сексуализированное насилие и домогательства ($n = 12$), физическое и психологическое насилие ($n = 20$), военные действия и их последствия ($n = 25$), природные и техногенные катастрофы (аварии, пожары) ($n = 22$), повседневный (учебный и профессиональный) стресс ($n = 37$), конфликты и кризисы в отношениях ($n = 19$), психические расстройства и суицидальные мысли ($n = 9$), проблемы со здоровьем ($n = 8$), проблемы со здоровьем близких ($n = 6$). Частотный анализ показал, что наибольшее количество психотравмирующих событий в возрасте ранней взрослости приходится на события, связанные с утратой близкого, повседневным стрессом, военными действиями. Вирусная угроза в перечне событий отсутствует.

Результаты эмпирических исследований показывают, что частота события в выборке и степень его психологического воздействия не коррелируют. Данные методики PCL-5 приведены в таблице 1.

Высокие показатели общего индекса психотравматизации свидетельствуют о значительном повреждающем воздействии некоторых жизненных событий. Это, в отличие от наших ожиданий — «Конфликты и кризисы в отношениях» и «Психические расстройства и суицидальные мысли», которые по сравнению с данными исследований десятилетней давности демонстрируют более выраженное негативное влияние на эмоциональное состояние человека. Тем не менее статистический анализ данных не позволил обнаружить значимые различия между влиянием на человека каждого из этих двух событий и «Утратой близкого» по общему индексу психотравматизации ($U = 388,0$, $p = 0,140$; $U = 165,0$, $p = 0,142$ соответственно). Высокие (выше верхнего квартиля) значения признаков ПТС — «нарушения в когнитивно-эмоциональной сфере» и «физиологическая возбудимость», выступающие психологическими последствиями межличностных и внутриличностных конфликтов, свидетельствуют о значительном вкладе антропогенных стрессоров эндо- и экзогенного характера в картину психотравмирующих событий, кардинально нарушающих устойчивость и психологическое благополучие человека.

Показано также, что природные и техногенные катастрофы, стихийные бедствия переживаются человеком легче, чем утрата близкого ($U = 315,5$, $p = 0,002$), сексуализированное насилие и домогательства ($U = 73,0$, $p = 0,03$), повседневный стресс ($U = 239,0$, $p = 0,01$), конфликты и кризисы в отношениях ($U = 81,0$, $p = 0,0008$), психические расстройства и суицидальные мысли ($U = 38,5$, $p = 0,008$).

Различия в уровне ПТС отсутствуют при сравнении природных и техногенных катастроф с физическим и психологическим насилием ($U = 163,0$, $p = 0,15$), военными действиями ($U = 195,5$, $p = 0,09$), угрожающим жизни заболеванием ($U = 72,0$, $p = 0,45$), заболеванием близкого ($U = 52,0$, $p = 0,43$).

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Шаталова Н.Е.,
 Быховец Ю.В. (2025).
 Переживание психотравмирующих событий
 прошлого в период ранней взрослости.
Клиническая и специальная психология, 14(4), 39—55.

Kharlamenkova N.E., Nikitina D.A., Shatalova N.E.,
 Bykhovets Yu.V. (2025).
 Experience of traumatic events of the past
 during early adulthood.
Clinical Psychology and Special Education, 14(4), 39—55.

Таблица 1 / Table 1

**Медианные значения отдельных признаков посттравматического стресса и общего
 индекса психотравматизации по PCL-5**

**Median values of post-traumatic stress symptoms and the overall PCL-5
 psychotraumatization index**

Категории событий / Categories of events	Признаки посттравматического стресса / Post-traumatic stress				Общий ин- декс психо- травматизац ии / General index
	Вторжение / Intrusion	Избегание / Avoidance	Нарушения в когни- тивно-эмо- циональной сфере / Cognitive and emotional disorders	Физиологи- ческая воз- будимость / Physiological excitability	
Утрата близкого / Loss of a loved one	5	2	4	3	18
Сексуализированное наси- лие и домогательства / Sexualized violence and harassment	4	2	3,5	2	13,5
Физическое и психологиче- ское насилие / Physical and psychological abuse	2,5	1,5	3,5	5	12
Военные действия и их по- следствия / War and its consequences	3	1	2	3	10
Природные и техногенные катастрофы (аварии, по- жары) / Natural and man-made disas- ters (accidents, fires)	1,5	0	1	2	4,5
Повседневный (учебный и профессиональный) стресс / Everyday stress (academic and professional)	5	1	4	3	16
Конфликты и кризисы в от- ношениях / Conflicts and crises in rela- tionships	5	3	10	7	27
Психические расстройства и суицидальные мысли / Mental disorders and suicidal thoughts	7	4	8	9	27
Угрожающее жизни заболе- вание / Life-threatening disease	2	1	5	0,5	14
Заболевание близкого чело- века / Illness of a loved one	3	0	2,5	1,5	7

Выявленные различия явно указывают на два кластера событий. *Первый кластер* включает в себя следующие события: утрата близкого, конфликты и кризисы в отношениях, психические расстройства и суицидальные мысли, сексуализированное насилие и домогательства, повседневный стресс. *Второй кластер* объединяет природные и техногенные катастрофы, физическое и сексуальное насилие, военные действия, собственное заболевание, заболевание близкого человека, что позволяет фальсифицировать выдвинутую нами гипотезу.

Для поиска наиболее весомых оснований деления событий на группы был проведен анализ данных, полученных с помощью методики SCL-90-R. Предварительно были рассчитаны нижний ($Q_1 = 0,386$) и верхний ($Q_3 = 0,561$) квартили по показателю «Общий индекс тяжести симптомов» (GSI). В целом объединение в кластеры по общему индексу психотравматизации (по PCL-5) подтверждается данными методики SCL-90-R: низким значениям GSI (ниже Q_1) соответствуют респонденты, указавшие при опросе такие события, как природные и техногенные катастрофы ($Me = 0,144$), заболевание близкого человека ($Me = 0,350$). Средние значения по GSI (данные, разместившиеся в межквартильном пространстве) выявлены у респондентов, включенных в следующие группы: утрата близкого ($Me = 0,442$), военные действия ($Me = 0,444$), собственное заболевание ($Me = 0,450$), сексуализированное насилие и домогательства ($Me = 0,506$), физическое и психологическое насилие ($Me = 0,544$). Высокие баллы по GSI (выше верхнего кластера) отмечены у трех групп респондентов, указавших на наличие повседневных проблем (учебных и профессиональных) ($Me = 0,578$), конфликтов и кризисов в отношениях ($Me = 0,778$), психических расстройств и суицидальных мыслей ($Me = 0,911$).

Анализируя полученные данные, разумно, с нашей точки зрения, выделить не две, а три группы респондентов. *Первый кластер* группирует респондентов, отметивших такие события, как природные и техногенные катастрофы и заболевание близкого человека. Во *втором кластере* размещаются: утрата близкого, военные действия, собственное заболевание, сексуализированное насилие и домогательства, физическое и психологическое насилие. *Третий кластер* объединил события, связанные с переживанием как повседневных проблем (учебных и профессиональных), так и конфликтов и кризисов в отношениях, сюда же правомерно отнести психические расстройства и суицидальные мысли.

Эти данные подтверждаются результатами статистики. Нами был использован кластерный анализ методом К-средних. С целью выделения трех кластеров анализ был проведен по симптомам и общим индексам методик PCL-5 и SCL-90-R. Кластерный анализ представлен в табл. 2.

Данные кластерного анализа преимущественно совпадают с оценкой близости событий по степени травматичности, проведенной нами с помощью анализа Общих индексов. При этом необходимо отметить, что такие события, как военные действия и повседневный стресс с учетом анализа сразу двух методик оказываются ближе к другим группам событий, нежели мы прогнозировали ранее. По всей видимости, причиной этого может выступать степень их стрессогенности, включающая посттравматический стресс и дисстрессовое состояние вследствие актуализации психопатологической симптоматики. Рассмотрим это подробнее, обратившись к данным табл. 3.

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Шаталова Н.Е.,
 Быховец Ю.В. (2025).
 Переживание психотравмирующих событий
 прошлого в период ранней взрослости.
 Клиническая и специальная психология, 14(4), 39—55.

Kharlamenkova N.E., Nikitina D.A., Shatalova N.E.,
 Bykhovets Yu.V. (2025).
 Experience of traumatic events of the past
 during early adulthood.
 Clinical Psychology and Special Education, 14(4), 39—55.

Таблица 2 / Table 2

Кластерный анализ событий согласно данным методик PCL-5 и SCL-90-R
Cluster analysis of events according to the PCL-5 and SCL-90-R

Категории событий / Categories of Events	Distance
<i>Первый кластер / Cluster 1</i>	
Заболевание близкого человека / Illness of a loved one	0,3
Природные и техногенные катастрофы (аварии, пожары) / Natural and man-made disasters (accidents, fires)	0,79
Военные действия и их последствия / War and its consequences	0,8
<i>Второй кластер / Cluster 2</i>	
Сексуализированное насилие и домогательства / Sexual violence and harrasment	0,44
Повседневный (учебный и профессиональный стресс)	0,58
Угрожающее жизни заболевание / Life-threatening disease	0,8
Утрата близкого / Loss of a loved one	0,91
Физическое и психологическое насилие / Physical and psychological abuse	1
<i>Третий кластер / Cluster 3</i>	
Конфликты и кризисы в отношениях / Conflicts and crises in relationships	0,49
Психические расстройства и суицидальные мысли / Mental disorders and suicidal thoughts	0,49

Таблица 3 / Table 3

Медианные значения симптомов посттравматического стресса и психопатологической симптоматики, включая индексы по методикам PCL-5 и SCL-90-R в трех кластерах
Median values of post-traumatic stress symptoms and psychopathological symptoms, including PCL-5 and SCL-90-R indices in three clusters

Шкалы PCL-5 и SCL-90-R / PCL-5 и SCL-90-R scales	Кластер / Cluster		
	1	2	3
PCL-5			
Вторжение / Intrusion	2,5	3,7	6
Избегание / Avoidance	0,33	1,5	3,5
Нарушения в когнитивно-эмоциональной сфере / Cognitive and emotional disorders	1,83	4	9
Физиологическая возбудимость / Physiological excitability	2,17	2,7	8
Общий индекс психотравматизации / General index	7,17	14,8	27
SCL-90-R			
Соматизация / Somatization	0,35	0,45	0,63
Навязчивые состояния / Obsessive-Compulsive	0,52	0,77	1,25
Межличностная сензитивность / Interpersonal sensitivity	0,43	0,46	1
Депрессивность / Depression	0,29	0,72	1,15
Тревожность / Anxiety	0,15	0,53	1
Враждебность / Hostility	0,31	0,4	0,58
Фобия / Phobic Anxiety	0,07	0,2	0,29
Паранойяльность / Paranoid Ideation	0,11	0,28	0,5
Психотизм / Psychoticism	0,08	0,19	0,45
GSI	0,31	0,5	0,84

Анализ медианных значений позволяет отметить тренд, который заключается в степени стрессогенности кластеров. Наиболее психотравмирующие события вошли в третий кластер, средней выраженности — во второй, и наименее психотравмирующими оказались события первого кластера. Ранее мы предполагали, что «Военные действия» и «Повседневные стрессоры» будут размещены в более стрессогенных кластерах, однако оказывается, что их корректнее относить к событиям, умеренным по степени выраженности стресса. Мы полагаем, что на подобное распределение могла повлиять такая характеристика стрессора, как степень включенности (вовлеченности) в психотравмирующее событие. Представляется, что первый кластер можно отнести в большей степени к косвенным свидетелям воздействия стрессора, второй представляет непосредственно участников или характеризуется более тесной включенностью в стрессовую ситуацию (например, в случае потери близкого), а третий несет дополнительную эмоциогенную нагрузку в связи с тем, что она включена в сам стрессор по его определению.

Рассматривая выделенные нами кластеры с точки зрения переживания молодыми людьми событий прошлого, важно перейти от анализа события как такового к анализу состояния человека, имеющего в анамнезе подобный опыт, и обсудить эти результаты со ссылкой на данные других исследователей.

Обсуждение результатов

Прежде всего следует сказать, что выдвинутая нами гипотеза не нашла своего подтверждения: вирусная угроза не выделена респондентами в отдельную категорию, а военная угроза (военные действия) отнесена в категорию с низкими показателями по посттравматическому стрессу и психопатологической симптоматике.

Наименьший психотравмирующий эффект, согласно настоящему исследованию, имеют природные и техногенные катастрофы. В наших более ранних статьях мы указывали на особое место подобных событий в жизни человека (Харламенкова, Никитина, 2020). Его специфичность состоит в том, что человек рассматривает их как экзогенные, т.е. внешние и потому случайные события, как такие обстоятельства жизни, которые практически не поддаются контролю. Более того, в совладании с подобными событиями большую роль играет коллективный копинг, объединяющий людей и помогающий им справиться с серьезными трудностями жизни сообща (Абдуллин, 2004). По проанализированным нами показателям «Природные и техногенные события» мало отличаются от события «Заболевание близкого человека». Объединение двух событий в один кластер может быть обосновано их восприятием человеком как находящихся на периферии его психологического пространства. Понятно, однако, что исключать индивидуально-психологические различия в переживании экзогенных стрессоров не следует (Павленко, 2020).

Следующий кластер включает наибольшее количество событий — повседневный стресс, физическое и психологическое насилие, сексуализированное насилие и домогательства, утрата близкого, угрожающее жизни заболевание. Ядром данного кластера являются насильственные (физические, эмоциональные, сексуализированные) действия против человека. Повседневный стресс как напряжение, вызванное отношениями, складывающимися в образовательной и профессиональной среде, правильнее относить к текущим событиям жизни, однако хронический характер такого стресса, кумулятивный эффект его проявления способен вывести его на уровень, типичный для психотравмирующего воздействия (Головей и др., 2018).

Продолжая выбранную нами логику рассуждений, отметим, что угрожающее жизни заболевание можно было бы по аналогии со сказанным выше представить в виде противодействия человека самому себе, в виде аутоагрессивного поведения. Избегая, однако, подобных, достаточно грубых обобщений, скажем, что не особенности стрессора, а психологические последствия его воздействия имеют общие черты с описанными выше эффектами, связанными с насилием. Нарастание симптомов угрожающего жизни заболевания вызывает интенсивный стресс, аналогичный проявлению актов насилия со стороны другого человека. Только в случае болезни нарушение паритетности в отношениях касается внутреннего мира человека и противостояния здорового Я больному (Огнерубов, 2016).

Третий кластер стрессоров — «Конфликты и кризисы в отношениях», «Психические расстройства и суицидальные мысли», — как показало наше исследование, оказывает наиболее сильное влияние на человека. Нарушения в сфере межличностных отношений, приводящие к их разрыву (например, к разводу), психологические дисфункции и отсутствие ресурса преодоления стресса сопровождаются антивитальными намерениями и действиями, остро переживаются в виде классической триады чувств — ужаса, интенсивного страха и безысходности. Погружение в реальность травмы лишает чувства адекватного тестирования реальности, нарушает интеграцию идентичности, редуцирует зрелые защитные механизмы и обесценивает необходимость обращения к социальной поддержке (Булич, 2025; Андронникова, Забродин, 2021).

Сравнивая результаты настоящего исследования и данные прошлых лет (Харламенкова, Никитина, 2020) мы, с одной стороны, наблюдаем сохранение опасности быть травмированным в результате физического и психологического насилия, а с другой — отмечаем появление новых тенденций в переживании симптомов посттравматического стресса и психопатологической симптоматики: возникают новые угрозы — неразрешенные и хронифицированные межличностные отношения, перерастающие во внутриличностные конфликты клинического и субклинического уровня. Интериоризация внешней конфликтности без достаточных личностных и социальных ресурсов угрожает сохранению целостности личности и семейных отношений и требует пристального внимания со стороны исследователей и специалистов-практиков (Голоденко, Альмешкина, 2023).

Заключение

Проведенное исследование показало, что в период ранней взрослости наиболее часто в качестве психотравмирующих событий указываются утрата близких, события повседневности (учебный и профессиональный стресс) и военные действия. Однако, как показывают результаты, при оценке уровня негативных психических состояний важен учет не только частоты, но и интенсивности переживания. Анализ наших данных свидетельствует, что конфликты и кризисы в отношениях, психические расстройства и суицидальные мысли выступают наиболее психотравмирующими стрессорами для людей 17–32 лет.

Психологический анализ стрессогенности всего выявленного в исследовании регистра травматических событий позволил выделить три кластера ситуаций, различающихся по уровню негативности психопатологического «ответа». Первый кластер объединил события, которые вызывают наименее острые психопатологические признаки: природные и техногенные катастрофы, заболевание близкого и военные действия. Во второй кластер, занимающий промежуточное положение по уровню негативной аффективности, вошли утрата близкого,

собственное заболевание, сексуализированное насилие и домогательства, физическое и психологическое насилие, повседневные стрессоры (учебный и профессиональный стресс). Наиболее высокий уровень психопатологической симптоматики вызывают события, связанные с конфликтами и кризисами в отношениях, психические расстройства и суицидальные мысли. Содержательное обобщение данных кластеров показывает, что события первой группы описывают факторы объективного мира, воздействующие на человека извне, т.е. не поддающиеся его личному контролю. Второе множество событий объединяет угрозы физической и психической безопасности в формате единичных событий. Третий кластер включает ситуации, дестабилизирующие аффективно-когнитивное равновесие посредством высокой нестабильности и пролонгированности результата внутриличностных нарушений и межличностного взаимодействия. Таким образом, мы можем воссоздать континуум травмирующих событий по степени их негативного влияния от минимального уровня в связи с ситуациями из внешнего мира к максимальному уровню переживаний в связи с внутриличностными кризисами.

Перспективой исследования является сопоставление полученных на выборке людей периода ранней взрослости результатов с данными более старших возрастных когорт.

Ограничения. Ограничением исследования является относительно небольшая численная наполненность групп по различным травматическим событиям.

Limitations. A limitation of the study is the relatively small numerical abundance of groups for various traumatic events.

Список источников / References

1. Абдуллин, А.Г. (2004). *Психологические последствия техногенных катастроф в Уральском регионе*. СПб.: СПбГУ.
Abdullin, A.G. (2004). *Psychological consequences of man-made disasters in the Ural region*. Saint-Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.)
2. Андронникова, О.О., Забродин, Ю.М. (2021). Посттравматическая и психопатологическая симптоматика личности с виктимной идентичностью, пережившей автомобильную аварию. *Клиническая и специальная психология*, 10(1), 80—99.
<https://doi.org/10.17759/cpse.2021100105>
Andronnikova, O.O., Zabrodin, Yu.M. (2021). Post-traumatic and psychopathological symptoms of a person with victim identity who survived a car accident. *Clinical Psychology and Special Education*, 10(1), 80—99. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100105>
3. Баязитова, Г.Р., Лебедева, Е.И., Петракова, А.В., Федоров, О.Д. (2020). Эффект предпочтения лиц из своей возрастной когорты (own-age bias) в образовательном контексте. *Психология человека в образовании*, 2(4), 329—336. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-4-329-336>
Bayazitova, G.R., Lebedeva, E.I., Petrakova, A.V., Fedorov, O.D. (2020). The effect of preferring individuals from one's own age cohort (own-age bias) in an educational context. *Psychology in Education*, 2(4), 329—336. (In Russ.). <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-4-329-336>
4. Булич, О.М. (2025). Психологические последствия ситуации захвата заложников для первичных и вторичных жертв. *Научное мнение*, 3, 96—104.
https://doi.org/10.25807/22224378_2025_3_96

Bulich, O.M. (2025). Psychological consequences of a hostage situation for primary and secondary victims. *Scientific Opinion*, 3, 96—104. (In Russ.).

https://doi.org/10.25807/22224378_2025_3_96

5. Быховец, Ю.В. (2021). Интенсивность информационного воздействия как психотравмирующий фактор ситуации вирусной угрозы. *Психологический журнал*, 42(5), 37—48.

<https://doi.org/10.31857/S020595920017072-5>

Bykhovets, Yu.V. (2021). The intensity of information impact as a traumatic factor in a viral threat situation. *Psychological Journal*, 42(5), 37—48. (In Russ.).

<https://doi.org/10.31857/S020595920017072-5>

6. Головей, Л.А., Петраш, М.Д., Стрижицкая, О.Ю., Савенышева, С.С., Муртазина, И.Р. (2018). Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров. *Консультативная психология и психотерапия*, 26(4), 8—26.

<https://doi.org/10.17759/cpp.2018260402>

Golovey, L.A., Petrash, M.D., Strizhitskaya, O.Yu., Savenysheva, S.S., Murtazina, I.R. (2018). The role of psychological well-being and life satisfaction in perception of daily stress. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 26(4), 8—26. (In Russ.).

<https://doi.org/10.17759/cpp.2018260402>

7. Голоденко, О.Н., Альмешкина, А.А. (2020). Изучение психического состояния лиц молодого возраста, находившихся в зоне вооруженного конфликта на Донбассе. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 3(51), 39—48. URL:

<http://journal.dnmu.ru/index.php/Psychiatry/article/view/1106> (дата обращения: 15.12.2025).

Golodenko, O.N., Almeshkina, A.A. (2020). Study of the mental state of young people in the armed conflict zone in Donbass. *Journal of Psychiatry and Medical Psychology*, 3(51), 39—48. (In Russ.). (viewed: 15.12.2025).

8. Ерофеева, В.Г. (2023). Черты становящейся взрослости: адаптация опросника в российской культуре. *Социальная психология и общество*, 14(3), 187—204.

<https://doi.org/10.17759/sps.2023140312>

Erofeeva, V.G. (2023). Characteristics of emerging adulthood: Adaptation of a questionnaire in Russian culture. *Social Psychology and Society*, 14(3), 187—204. (In Russ.).

<https://doi.org/10.17759/sps.2023140312>

9. Золотарева, А.А., Мальцева, Н.В., Сарапульцева, Л.А. (2025). Соматизация, психологический дистресс и самоповреждающее поведение в становящейся взрослости: помогают ли позитивные ожидания в отношении будущего? *Клиническая и специальная психология*, 14(1), 95—107. <https://doi.org/10.17759/cpse.2025140106>

Zolotareva, A.A., Maltseva, N.V., Sarapultseva, L.A. (2025). Somatization, psychological distress, and self-harm behavior in emerging adulthood: Do positive expectations future expectations help? *Clinical Psychology and Special Education*, 14(1), 95—107. (In Russ.).

<https://doi.org/10.17759/cpse.2025140106>

10. Нартова-Бочавер, С.К., Ерофеева, В.Г. (2021). Диспозициональная устойчивость и трудные жизненные ситуации учащихся в период «становящейся взрослости». В: А.В. Шаболтас, В.И. Прусаков (ред.), *Ананьевские чтения — 2021: Материалы международной научной конференции* (с. 500—501). СПб.: Скифия-принт.

Nartova-Bochaver, S.K., Erofeeva, V.G. (2021). Dispositional resilience and difficult life situa-

tions of students during the period of “emerging adulthood”. In: A.V. Shaboltas, V.I. Prusakov (Eds.), *Ananyev Readings — 2021: Proceedings of the International Scientific Conference* (pp. 500—501). St. Petersburg, Scythia-Print. (In Russ.).

11. Никитина, Д.А. (2021). *Посттравматический стресс у людей разного возраста с угрожающим жизни заболеванием: Автореф. дис. ... канд. психол. наук*. Институт психологии РАН. М.
Nikitina, D.A. (2021). *Post-traumatic stress in people of different ages with a life-threatening disease: Extended abstr. Diss. Cand. Sci. (Psychol.)*. Institute of Psychology RAS. Moscow. (In Russ.).
12. Огнерубов, Н.А., Карпова, Е.Б. (2016). Скрытый суицид, или саморазрушающее поведение у онкологических больных: взгляд на проблему. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки*, 6, 2228—2236.
Ognerubov, N.A., Karpova, E.B. (2016). Undetected suicide or self-destructing behaviour among oncology patients: view of a problem: A look at the problem. *Bulletin of Tambov University. Series: Natural and Technical Sciences*, 6, 2228—2236. (In Russ.)
13. Орестова, В.Р., Ткаченко, Д.П., Соколова, А.А. (2020). Переживание одиночества пользователями различных социальных сетей: возрастной контекст. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 2, 31—53. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-2-31-53>
Orestova, V.R., Tkachenko, D.P., Sokolova, A.A. (2020). The experience of loneliness by users of various social networks: Age context. *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogy. Education” Series*, 2, 31—53. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-2-31-53>
14. Павленко, Т.А., Кирсанова, В.Г. (2020). Индивидуально-психологические различия в переживании террористической угрозы студенческой молодежью. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*, 59, 136—148. <https://doi.org/10.15382/sturIV202059.136-148>
Pavlenko, T.A., Kirsanova, V.G. (2020). Individual and psychological differences in the experience of a terrorist threat by student youth. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 4: Pedagogy. Psychology*, 59, 136—148. (In Russ.) <https://doi.org/10.15382/sturIV202059.136-148>
15. Тарабрина, Н.В., Агарков, В.А., Быховец, Ю.В., Калмыкова, Е.С., Макаrchук, А.В., Падун, М.А., Удачина, Е.Г., Химчян, З.Г., Шаталова, Н.Е., Щепинина, А.И. (2007). *Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. I. Теория и методы*. Москва: Когито-центр.
Tarabrina, N.V., Agarkov, V.A., Bykhovets, Yu.V., It's Kalmykova, E.S., Makarchuk, A.V., Padun, M.A. Udachina, E.G., Khimchyan, Z.G., Shatalova, N.E., Shchepinina, A.I. (2007). *Practical guide on the psychology of post-traumatic stress. Part I. Theory and Methods*. Moscow: Cogito-Center. (In Russ.).
16. Тарабрина, Н.В., Харламенкова, Н.Е., Быховец, Ю.В., Мустафина, Л.Ш., Ворона, О.А., Казымова, Н.Н., Дымова, Е.Н., Шаталова, Н.Е. (2016). Посттравматический стресс и картина травматических событий в разные периоды взрослости. *Психологический журнал*, 37(6), 94—108.
Tarabrina, N.V., Kharlamenkova, N.E., Bykhovets, Yu.V., Mustafina, L.Sh., Vorona, O.A.,

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Шаталова Н.Е.,
Быховец Ю.В. (2025).

Переживание психотравмирующих событий
прошлого в период ранней взрослости.

Клиническая и специальная психология, 14(4), 39—55.

Kharlamenkova N.E., Nikitina D.A., Shatalova N.E.,
Bykhovets Yu.V. (2025).

Experience of traumatic events of the past
during early adulthood.

Clinical Psychology and Special Education, 14(4), 39—55.

Kazymova, N.N., Dymova, E.N., Shatalova, N.E. (2016). Post-traumatic stress and the traumatic events in different periods of adulthood. *Psychological Journal*, 37(6), 94—108. (In Russ.).

17. Тарабрина, Н.В., Харламенкова, Н.Е., Падун, М.А., Хажуев, И.С., Казымова, Н.Н., Быховец, Ю.В., Дан, М.В. (2017). *Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности*. М.: Институт психологии РАН.
Tarabrina, N.V., Kharlamenkova, N.E., Padun, M.A., Khazhiev, I.S., Kazymova, N.N., Bykhovets, Yu.V., Dan, M.V. (2017). *Intensive stress in the context of psychological safety*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
18. Харламенкова, Н.Е., Никитина, Д.А. (2020). Психологические последствия влияния стрессоров высокой интенсивности разного типа. *Ярославский педагогический вестник*, 5, 110—120. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-110-120>
Kharlamenkova, N.E., Nikitina, D.A. (2020). Psychological consequences of the impact of high-intensity stressors of different types. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 5, 110—120. (In Russ.). <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-110-120>
19. Blaxton, J.M., Nelson, N.A., Bergeman, C.S. (2021). The positive and negative affect relation in the context of stress and age. *Emotion*, 21(8), 1712—1720. <https://doi.org/10.1037/emo0000975>
20. Bucich, M., Steel, Z., Berle, D. (2024). Posttraumatic stress disorder (PTSD) symptom profiles among people who have experienced abuse: Findings from the NESARC-III study. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 16(1), 76—85. <https://doi.org/10.1037/tra0001193>
21. Holman, E.A., Grisham, E.L. (2020). When time falls apart: The public health implications of distorted time perception in the age of COVID-19. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(S1), S63—S65. <https://doi.org/10.1037/tra0000756>
22. Lee, H., Lee, K. (2025). Identifying PTSD trajectories and associated factors in disaster victims. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/tra0002023>
23. Lee, T.K., Wickrama, K.A.S., O'Neal, C.W., Neppl, T.K., Reeb, B.T. (2023). Life transition events and depressive symptom trajectories during young adulthood: The influence of adverse family and individual contexts in adolescence. *Developmental Psychology*, 59(3), 460—473. <https://doi.org/10.1037/dev0001496>
24. Rafiey, H., Alipour, F., LeBeau, R., Salimi, Y., Ahmadi, S. (2022). Exploring the buffering role of social capital in the development of posttraumatic stress symptoms among Iranian earthquake survivors. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 14(6), 1040—1046. <https://doi.org/10.1037/tra0000524>
25. VanMeter, F., Nivison, M.D., Englund, M.M., Carlson, E.A., Roisman, G.I. (2021). Childhood abuse and neglect and self-reported symptoms of psychopathology through midlife. *Developmental Psychology*, 57(5), 824—836. <https://doi.org/10.1037/dev0001169>

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Шаталова Н.Е.,
Быховец Ю.В. (2025).
Переживание психотравмирующих событий
прошлого в период ранней взрослости.
Клиническая и специальная психология, 14(4), 39—55.

Kharlamenkova N.E., Nikitina D.A., Shatalova N.E.,
Bykhovets Yu.V. (2025).
Experience of traumatic events of the past
during early adulthood.
Clinical Psychology and Special Education, 14(4), 39—55.

Информация об авторах

Наталья Евгеньевна Харламенкова, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0508-4157>, e-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

Дарья Алексеевна Никитина, кандидат психологических наук, научный сотрудник, лаборатория психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6695-1851>, e-mail: d.a.nikitina@yandex.ru

Надежда Евгеньевна Шаталова, ведущий специалист, Институт психологии РАН (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1413-7529>, e-mail: shatalovane@ipran.ru

Юлия Васильевна Быховец, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-4334>, e-mail: bykhovetsjv@ipran.ru

Information about the authors

Natalia E. Kharlamenkova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Deputy Director, Head of Laboratory of Human Development in Normal and Posttraumatic States, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0508-4157>, e-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

Daria A. Nikitina, Candidate of Science (Psychology), Researcher, Laboratory of Human Development in Normal and Posttraumatic States, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6695-1851>, e-mail: d.a.nikitina@yandex.ru

Nadezhda E. Shatalova, Leading Specialist, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1413-7529>, e-mail: shatalovane@ipran.ru

Julia V. Bykhovets, Candidate of Science (Psychology), Leading Researcher, Laboratory of Human Development in Normal and Posttraumatic States, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-4334>, e-mail: bykhovetsjv@ipran.ru

Вклад авторов

Харламенкова Н.Е. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Никитина Д.А. — применение статистических методов для анализа данных; сбор и анализ данных, написание рукописи.

Шаталова Н.Е. — анализ данных, подбор и анализ литературы, оформление рукописи.

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Шаталова Н.Е.,
Быховец Ю.В. (2025).
Переживание психотравмирующих событий
прошлого в период ранней взрослости.
Клиническая и специальная психология, 14(4), 39—55.

Kharlamenkova N.E., Nikitina D.A., Shatalova N.E.,
Bykhovets Yu.V. (2025).
Experience of traumatic events of the past
during early adulthood.
Clinical Psychology and Special Education, 14(4), 39—55.

Быховец Ю.В. — применение статистических методов для анализа данных; сбор и анализ данных, написание рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Natalia E. Kharlamenkova — research ideas; annotation, writing and design of the manuscript; research planning; control over the conduct of the research.

Daria A. Nikitina — application of statistical methods for data analysis; data collection and analysis, writing of the manuscript.

Nadezhda E. Shatalova — data analysis, selection and analysis of literature, design of the manuscript

Julia V. Bykhovets — application of statistical methods for data analysis; data collection and analysis, writing of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and agreed on the final manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (протокол от 02.04.2025).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Institute of Psychology Russian Academy of Sciences (report 2025/04/02).

Поступила в редакцию 29.09.2025
Поступила после рецензирования 04.12.2025
Принята к публикации 04.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.09.29
Revised 2025.12.04
Accepted 2025.12.04
Published 2025.12.30